

Из книги

Водовозова Е.Н. Жизнь Европейских народов. Том II. Жители Севера. С 26 рисунками худ. Васнецова и Панова. Издание 4-е, совершенно переработанное. С-Петербург 1899 г. 12, 522 с., илл. на вкл.

OCR 05.2013 <http://www.ulster.ru>

ИРЛАНДИЯ.

ПРИРОДА И НАРОД.

Природа страны и её климат. — Жилища ирландцев, их одежда и пища.

Несмотря на то, что для ирландцев родина всегда была злой мачехой, они пламенно, страстно к ней привязаны и дают ей самые поэтические названия: «жемчужина морей», «краса океана», «роскошнейший цветок вселенной», «зеленый Эрин», «изумрудный остров» и множество других нежных эпитетов. Действительно, природа Ирландии, в большей части местностей, в высшей степени своеобразна и привлекательна. Прежде всего повсюду в этой стране бросается в глаза свежая зелень. Правда, здесь и там чувствуется весьма значительная сырость от частых дождей (климат Ирландии даже несколько сырее климата Англии), но это нельзя считать особенным злом, так как сырость вовсе не действует губительно на плодородие ирландской почвы и скорее способствует тому, что вся эта страна покрыта свежей зеленью, так что вполне справедливо называется «зеленым Эрином». Все берега Ирландии сильно иззубрены глубоко вдающимися бухтами, так что нет местечка, которое отстояло бы более, чем на 200 километров (километр — несколько менее версты) от морского берега. Как это обстоятельство, так и то, что Ирландия открыта теплым ветрам с Атлантического океана, способствует теплоте и влажности её климата. Растения, которые в Англии могут расти только в теплицах, растут здесь на открытом воздухе, наприм.: мирт и другие растения южной Европы; в горах же встречаются альпийские и самые северные растения. Путешествуя по берегу моря из Дублина на юг и проезжая округа Уэксфорд, Квинстоун и Корк, выносишь впечатление об Ирландии, как об одной из самых цветущих стран земного шара. Но, доехав до Килларней и поднимаясь по западному берегу всё севернее, замечаешь, как быстро природа изменяет свой вид: луга начинают чередоваться с болотами, пейзаж принимает всё более однообразный характер и переходит, наконец, в бесплодную пустыню. Однако, несмотря на более суровую природу, даже и западная часть Ирландии носит своеобразный характер. Дикий, бурный океан в вечной борьбе изрезал скалистые берега и придал им самые причудливые, фантастические формы. Почти все горы возвышаются вдоль приморских берегов, а внутренность страны представляет волнистую низменность, покрытую множеством озер, болот и топей. Пробираясь по окраинам, путешественник видит, как возвышаются то здесь, то там горные хребты и отдельные вершины в самых разнообразных формах и в необыкновенно красивых очертаниях, но дикие, скалистые и большей частью безлесные. Когда цветет вереск, все эти вершины и шпицы сияют на солнце темной пурпуровой окраской и придают стране что-то сказочное и таинственное. Не менее чудный ландшафт представляют посреди обширных равнин прозрачные озера, которые питаются многочисленными горными ручьями, быстро, с шумом падающими со скал. Насколько может охватить взор, простираются равнины полей и пастбищ, зеленоватый отлив которых резко выделяется из пурпура чудных гор, синевы озер и мрачного цвета океана. Но эти прелестные местности совсем не оживлены; фантастические горы не увенчаны лесом, даже кустарники не растут на них и только дикий терн, характерное растение ирландских холмов, украшает их в весенние месяцы своими ярко-желтыми

цветами. Заливы и озера совершенно пустынные, и только изредка показывается на них рыбацкая лодка или маленькое парусное судно, которое везет жалкую провизию к какому-нибудь полужившему городу, лежащему недалеко от берега. Море со страшной силой, с глухим шумом и ревом разбивает свои пенящиеся волны о пустой берег и равнины. Здесь и там на низменных местностях зеленые луга перемежаются с черными болотами и с лужами грязной воды, или тянутся громадные залежи торфа. Большая часть ирландской почвы состоит из торфяных болот, и торф играет важную роль в жизни бедного ирландского люда. Ирландский крестьянин, вместо денег, часто расплачивается торфом, готовит на нём свой скудный обед и согревается им. Чем ближе та или другая местность расположена от залежей торфа, тем дороже платит ирландский крестьянин землевладельцу за арендуемый клочок земли. Воздух Ирландии весь пропитан запахом торфа; все кушанья более или менее отзываются им, и ирландец так привык к этому, что считает джин и виски только тогда хорошими, когда они распространяют тонкий торфяной аромат.

Несмотря на своеобразные, местами даже величественные картины природы, с каждым шагом в этой стране всё более и более поражают безжизненность и безлюдность, которые повсюду дают себя чувствовать. Почва Ирландии очень плодородна, но земледелие в этой стране не процветает вследствие того, что громадная часть земель в руках крупных землевладельцев, которые маленькими клочками раздают ее в аренду бедному ирландскому люду. На склонах гор, вместо веселых деревень с садами или группами деревьев, встречаешь отдельно стоящие жалкие землянки—жилища ирландского люда, напоминающие скорее звериные норы. Вместо многочисленных стад крупного скота с веселыми бубенчиками, видишь худых и малорослых коров, овец и коз, страшно исхудалых лошадей. С большим трудом выбирают они траву из-под вереска, и их наружный вид ясно говорит, что этот скудный корм служит им единственной пищей большую часть года. Большие невозделанные пространства лишь изредка сменяются маленькими обработанными полями. Вместо оживленного говора, стука молотов и мельничных колес около жилища человека, вы услышите гоготанье гусей, которые расхаживают большими стадами около хижин, и хрюканье свиней. Всюду, как в горах, так и близ озер, в вереске и вблизи хижин, недостает лучшего украшения природы — певчих птиц: изредка раздаются крики чаек, но очень редко слышно веселое пение жаворонка и никогда не раздается песня соловья. И это очень понятно: тут существуют громадные пространства, на которых птицы не найдут для себя не только дерева, но ни одной веточки для гнезда, ни даже куста. Западные и северо-западные бури здесь так сильны и повторяются так часто, что ни одно молодое деревцо не может подняться выше человеческого роста: оно лишается своей верхушки и умирает или остается маленьким и уродливым. Даже внутри страны все вершины деревьев согнуты к востоку или юго-востоку. Но не одни бури виной ирландского безлесья: в XIV и XV столетиях и даже позже Ирландия имела довольно значительные леса; их безрасчетно истребляли, чтобы приобретать новую землю для обработки и чтобы уничтожить притоны преступников, которых всегда было так много в Ирландии.

Не менее характерное явление ирландской природы—громадное количество камней, которые так покрывают страну, что нередко делают недоступными для обработки большие пространства. Хотя эти камни употребляли на постройку валов в несколько миль длины для защиты полей и пастбищ, хотя хижины и лучшие домики построены из них, они портят ландшафт: некоторые местности представляются путешественнику какой-то пустыней с грудями камней, в беспорядке набросанных здесь и там. Очень часто встречаются клочки самой плодородной земли, на которых лежат каменные глыбы, не уступающие никаким человеческим усилиям.

А вот и жилище этого несчастного, угнетенного в продолжение столетий и до сих пор угнетаемого ирландца. Вы только потому догадываетесь, что это человеческое жилище, что

вблизи замечаете небольшой, жалкий кустарник или плетень, а то увидите поднимающуюся струйку дыма или какое-нибудь живое существо, которое тут копошится. Это жилище такого же цвета, как земля, на которой оно стоит, и только в самых редких случаях оно бывает выбелено. Вся хижина сложена из кусков торфа и кое-как набросанных друг на друга камней, до которых никогда не касался ни молоток, ни резец; щели между камнями наполнены смоченной землей. Высота от земли до крыши редко превышает 1 сажень; крыша состоит из соломы, дрока или вереска, который прикреплен к стропилам посредством ивовых прутьев. В таком жилище двери встречаются очень редко, и их обыкновенно заменяет толстый плетень из соломы или дрока. Тот вход, который находится на стороне, обращенной к ветру, всегда забит плетнем. В редкой хижине — стекла в окнах, большей частью они обтянуты высушенной бараньей шкурой. В большинстве случаев вместо трубы в крыше — отверстие, над которым опрокинута бочка без дна; гораздо реже встречаются трубы из камня. При громадной массе камней в стране не трудно было бы выстроить порядочную хижину, но угнетение, нищета и самые неслыханные лишения убили в ирландцах всякую энергию. Нередко новую хижину пристраивают к старой, полуразвалившейся, только для того, чтобы воспользоваться одной готовой стеной. Перед домом не существует и одного вершка свободного пространства, ни даже узкой тропинки: чтобы пробраться в дом, поселяне принуждены каждый раз переходить через кучи навоза и мусора.

Войдите в жилище, и вы остановитесь в ужасе: такой страшный беспорядок, грязь и нищета представятся вам во всей своей наготе. Там валяются сваленные в одну кучу лопата, кирка, старая метла, сломанная лестница, старый сапог, разорванная перина, спинка стула, разбитый горшок, связка хвороста, и всё это трудно различить сразу, так как глаз только понемногу привыкает к полумраку, господствующему в жилище, с утра до вечера наполненном густым дымом. Пол земляной, обыкновенно сырой. В одном конце хижины — очаг: на крюке, вбитом в стену, висит железный котел, а под ним наложен торф. Кругом очага расставлено несколько скамеек или разложено несколько кучек торфа, которые также служат сиденьем. Только в самых редких случаях недалеко от очага находится нечто в роде кровати, пустое пространство под которой служит для сбережения запасов картофеля. На кровати валяется несколько изорванных мешков, набитых соломой, и несколько грязных тряпок, служащих одеялами, но в большинстве случаев не существует и таких убогих кроватей. Иногда один конец хижины отгорожен для животных, но даже и такой комфорт могут позволить себе не все, и большая часть ирландского люда живет в одной хижине, ест одну пищу и делит горе и радость со своими домашними животными. Козы, свинья, гуси, собаки и кошки совершенно свободно разгуливают по хижине, на полу которой сидят дети, и очень дружат между собой. Они вместе играют, бегают, дерутся, залезают под кровать, и только когда сильно надоедят старшим своей беготней и визготней, разыгравшегося ребенка выталкивают из этой разношерстной толпы друзей и сажают в один угол, а животных отгоняют в другой. Но часто не делают и этого: хозяйка для усмирения как детей, так и животных пускает в них каким-нибудь кухонным снарядом. В углу единственной комнаты, где живет вся семья с поросятами и домашней птицей, не редкость встретить и лошадь. В отверстие хижины, которое служит окном, очень часто выглядывают рядом маленький ирландец и молодая свинья. Одним словом ирландские жилища не что иное, как жалкие хлева, где люди живут вместе с домашними животными. Крайне жалкий и убогий вид ирландских жилищ увеличивается еще и тем, что они совершенно обнажены и что только в редких случаях можно видеть подле них дерево, плетень или кустарник. Только на больших пространствах в несколько миль изредка встречаются более красивые белые домики зажиточных людей или богатые жилища землевладельцев.

В грязных, жалких хижинах, которые увеличивают суровость ландшафта, живут люди, образ жизни которых вполне соответствует бедности их жилищ и дикости их страны. Платье,

которое они носят, как в своей хижине, так и на полевых работах, имеет самый жалкий вид: оно в высшей степени грязно и так оборвано, что придает ирландцу даже живописный вид. Менее других частей одежды оборвана его коричневая, но совершенно выцветшая шляпа, принявшая рыжий цвет, или широкая шапка без козырька. Верхняя одежда — нечто в роде фрака, или, лучше сказать, остатки фрака с светлыми пуговицами, всегда самая разорванная часть одежды. Если рукава еще сохранились, что случается редко, если руки не обнажены у плеч, то в таком случае рукава или полы фрака разорваны на несколько продольных полос, которые, как ленты, живописно развеваются по воздуху. Все швы на спине и на боках распороты, и из-под них сквозит нижнее белье, но еще чаще голое тело. Иногда одна фалда оторвана на столько, что висит до самых пяток. Очень часто, куда сегодня вдевали ноги, завтра будут вдевать руки, т. е. свои штаны ирландец употребит на рукава. Две-три пуговицы виднеются на фраке, да и они оборваны; петли связаны ремешком или тоненькой веревкой, которая употребляется также вместо пояса. И эти ужасающие лохмотья вы встречаете на людях в стране, которая ежегодно вывозит полотна на несколько миллионов рублей, каждый житель которой мог бы получить с английских мануфактур целый костюм за три шиллинга.

Ирландцы не имеют ни порядочной одежды, ни мало-мальски порядочной домашней обстановки. Первейшие житейские потребности — одежда, жилище, домашняя утварь, орудия—уже в самом начале заводятся в таком виде, который заставил бы покраснеть любое дикое племя; притом, во всём проглядывает беспорядок, нищета, беспечность, грязь. В каждой образованной стране домашние животные живут лучше, комфортабельнее и чище, чем громадное большинство народа в Ирландии.

Англичане, когда говорят о беспорядочности ирландцев, то, желая показать, до чего вкоренились в них вкус и привычки дикарей, обыкновенно приводят множество случаев, доказывающих, как трудно развить в ирландце любовь к порядочной домашней жизни. Вот один из подобных рассказов. Одна английская филантропка вышла замуж за ирландского землевладельца и решила ввести разные английские улучшения в своем новом отечестве. С этой целью она построила в своем имении в Ирландии несколько коттеджей, которые обставила новой домашней утварью и простенькой мебелью. Эти жилища она раздала ирландцам, которые арендовали землю у её мужа. Благотельная леди объяснила каждому семейству, как нужно вести хозяйство, поддерживать домашний Порядок, обращаться с утварью. Несколько дней всё шло хорошо, но в это время леди должна была уехать в Англию, и когда она через несколько месяцев возвратилась, то уже не узнавала своих коттеджей: свиньи рылись в картофеле под кроватью, горшок, который предназначался для варки каши, стоял на полу с грязным бельем, корыто расколосось на солнце и было брошено в печь, а там, где прежде был разведен хорошенький садик, стояла лужа грязной воды, в которой полоскались утки. Большинство хозяек этих коттеджей жаловалось на то, что трубы вытягивают дым и людям чрезвычайно холодно в этих жилищах. И многие из них уже распорядились по своему: чтобы оставить в хижине дым, к которому они так привыкли, они закрыли трубы каменными плитами. К несчастью, все эти рассказы вполне справедливы, но мы увидим ниже, что не в характере ирландца лежит склонность к беспорядочной жизни нищего.

Что касается пищи ирландцев, то она вполне соответствует их одежде и всей обстановке их домашнего быта. Кроме картофеля, они употребляют еще нечто в роде густой каши из овсяной муки и овсяные лепешки. Любопытно приготовление этого кушанья: в горшок, наполненный водой, насыпают, постоянно мешая палкой, грубую овсяную муку; эту массу варят до известной густоты, пока она не превратится в липкий густой клейстер или мучную кашу, которую и едят с сывороткой от масла. Их лепешки и каша сильно отзываются овсом и еще больше дымом. Картофель до сих пор составляет главную пищу жителей, и часто в гостиницах небольших ирландских городков вы, кроме него, ничего не

найдете.

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ.

Лимерик, этот древнейший город Ирландии, производит грустное впечатление. Он лежит на Шанноне, самой большой ирландской реке, разделяющей большие провинции Лейнстер и Коннаут и соединяющей озера средней Ирландии с Атлантическим океаном, в который шумно впадает эта река. Лимерик лежит в том месте, где устье начинает расширяться, так что большие корабли могут доходить до самой набережной. Город этот имеет одну из прекрасных гаваней западного берега, защищенную самой природой от опасностей моря, но она, как и все другие, совсем не оживлена.

Шаннон величественно протекает под городом, и один из его рукавов разделяет его на две части: на ирландский и английский город. Всю запущенность, грязь и нищету ирландского быта вы можете сразу окинуть одним взглядом в ирландской части Лимерика, особенно если вы войдете в базарный день в одну из главных торговых улиц. Лишь только вы в нее входите, вас тотчас обдает неопианной вонью, и голова идет кругом от шума и гама нищенски одетого народа. Дома, которые вы встречаете здесь, напоминают затхлые пещеры и погреба; перед дверями—бочки сельдей, залитые каким-то грязным отваром. В открытых лавчонках разложены заплесневелые ломти ветчины и расставлены чашки с телячьими потрохами и ногами; кругом развешаны заячьи шкурки и гусиные крылья. Улица загромождена тележками, запряженными ослами, и каждую из них окружает толпа нищенски одетых людей.

Нижние этажи почти всех домов заняты ветошниками, и через три-четыре дома можно найти закладчика. И какие вещи здесь увидишь! Сюртуки, рукава которых висят только на одной нитке, всевозможное верхнее платье, перебивавшее на плечах нескольких поколений, рваные сапоги и т. п. Не лучше и те, которые покупают эти вещи: мужчины в продавленных шляпах и во фраках-лохмотьях, женщины с густыми всклокоченными волосами,—те и другие с глубокими черными глазами, с выразительными чертами лица, но истомленные и едва прикрытые. Кажется, всё собралось сюда, чтобы представить воочию всю отчаянную нищету ирландского народа. А между тем Лимерик, с 37 1/2 тысячами жит., один из четырех самых больших и известных городов Ирландии. Геймаркет, рыночная площадь этого города, находится на границе между ирландской и старо-английской частями города. Но и в английской части Лимерика вы не найдете гордых фронтонов домов, окружающих лондонский Геймаркет, ни порталов и колоннад, ни всемирной торговли, такой богатой и оживленной, как в Лондоне. Ничего этого нет здесь. Глазам прежде всего представляется большое пустое пространство, окруженное с четырех сторон навесом на деревянных столбах. На всем этом пространстве ничего не видно, кроме старого платья, развешенного для продажи. Внутри четырёхугольного двора, на телегах, запряженных ослами, в больших кадках и жестяных мисках стоит главный предмет торговли—сыворотка, которую тут же покупает и пьет народ. Вид старо-английского города (существует еще ново-английский город Ньютоун-Пери, в котором живет высшее сословие Лимерика несколько не лучше, чем ирландской части. Здесь также вы прежде всего попадаете в улицу, наполненную ветошниками; в подвалах та же вонь; на улицах те же толпы грязных людей и огромные кучи грязных вещей. Даже на набережных Шаннона и одного из его рукавов Сальмон-Ривера—та же вонь; свежий ветер недалекого океана не может разогнать затхлый запах лохмотьев. Во всем городе, кроме улицы Джорж-стрит, хорошо обстроенной, вы редко встретите вполне порядочный дом: или крыша сломана, или дверь отваливается, или несколько разбитых стекол. Застроен красивыми домами только Ньютоун-Пери, эта лучшая часть города.

Дублин производит другое впечатление: это главный город Ирландии с 361.900 жит.

Дублин — новый город, и поэтому в нём нет ни старого «City» с узкими кривыми улицами, как в Лондоне, ни древних частей города, говорящих о прошлой жизни. Дублин отстроен англичанами, и потому его внешность почти ничем не отличается от внешности английских городов. Частные дома здешних зажиточных людей так же не велики, опрятны и построены в том же стиле, как частные дома во всех английских городах. Приличные здания так же богаты колоннами и портиками, как публичные здания всех английских городов. Устройство набережных и гавани здесь такое же, как в Лондоне,

Ливерпуле и других английских портах; здесь такие же широкие и удобные тротуары, как в Лондоне, такие же прелестные зеленые скверы посреди города, как и в английских городах, наконец, тот же, как и в Лондоне, резкий переход от роскоши к крайней бедности: богатая восточная часть города не имеет ничего общего с грязной западной его частью, наполненной нездоровыми жилищами и, как в Лимерике, полубогаженными людьми.

ПРОШЛАЯ СУДЬБА ИРЛАНДЦЕВ.

Историческое прошлое Ирландии.—Древние обитатели.—Обезземеление народа.—Его страдания и нищета.—Религиозные преследования.—Мятежи.—Упадок земледелия, промышленности и торговли,—Жестокое отношение землевладельцев к народу. — Смертельная ненависть ирландцев к англичанам. — Тайные общества и их значение: «белые парни» и «рибонмены».—Ирландская земельная лига.—Ассоциация фениев.—Уступки со стороны Англии.— Положение Ирландии в конце XVIII-го в.—Как жилось ирландцам в начале XIX-го в.— Положение страны в 30-х годах нынешнего столетия.— Болезнь картофеля и 40-е и 50-е годы.—Эмиграция.—Жестокие изгнания народа с родины и разрушение жилищ.—Билль 1870 г. и новый земельный билль 1881 г.

Прочитав предыдущие очерки, читатель, вероятно, прежде всего задаст вопрос: почему ирландские города и местности имеют такой жалкий вид? Почему народ этот так бедствует на своей родине? Где кроется причина этого ужасного нищенства? В природе страны или в дряблости и неспособности ирландцев? Ни в том, ни в другом. Редкая страна в Европе поставлена в такие счастливые условия, как Ирландия. Почва этой страны плодороднее английской. Правда, около четверти её поверхности покрыто скалами, озерами и болотами, другая четверть состоит из посредственных земель, но зато всё остальное, т. е. около половины всего пространства,—земля чрезвычайно тучная и плодородная. Ровный, умеренный и влажный климат Ирландии способствует хорошей растительности. Луга, покрытые превосходной зеленью, представляют богатые пастбища. Здешний климат еще влажнее и умереннее, чем в Англии: по крайней мере в трех четвертях острова совсем не известны ни сильные жары, ни чрезмерный холод. Благодаря течениям океана, идущим от тропиков, юго-западное побережье наслаждается бесперывной весной.

Относительно навигации, как внутренней, так и внешней, и сообщения с другими странами Ирландия в лучшем положении, чем какая бы то ни было страна. Внутри — огромные озера представляют большие удобства для перевозки и сбыта произведений. Шаннон, на половину река, на половину озеро, пересекает почти всю Ирландию с востока на запад, на протяжении 300 верст, и отличается прежде всего тем, что от самого устья река эта судоходна везде, кроме нескольких перерывов, которые легко исправить. Благодаря железным дорогам и каналам, река эта имеет сообщение со всеми частями Ирландии. На всём своем течении Шаннон проходит по стране, богатой как в минеральном, так и в земледельческом отношении: там в изобилии каменный уголь и богатейшая железная руда, здесь он течет по самым плодородным землям Ирландии. Другие реки, также судоходные, вытекая из различных озер, идут по всем направлениям. Наконец, Ирландия находится па большой дороге океана, между Европой и Америкой, и лежит недалеко от богатейших

угольных копей Англии, что также могло бы иметь громадное значение для страны. Атлантический океан и море со всех сторон вдаются в берега и создали таким образом бесчисленные бухты и порты, из которых один порт, именно Коркский, может приютить огромное число флотов. Поверхность почвы не менее способна для сухопутных сообщений; обыкновенные и железные дороги проводят здесь с меньшими трудами и издержками, чем в Великобритании.

Природа, как видите, не была мачехой для этой страны; столько же сделала она и для народа, одарив его хорошими умственными способностями, живостью, восприимчивостью и понятливостью к труду. Однако, большинство путешественников по Ирландии говорит о лени ирландцев, их невоздержности, пьянстве, о грязи и нечистоте их жилищ. Всё это совершенно справедливо, и ирландец является действительно таким на своей родине. Вот, что говорит один известный американский писатель, который особенно порицает ирландца за леность: «ирландцы самый ленивый народ из всех наций в мире; но, попав в Америку вследствие нищеты, тифа и голода на своей родине, он становится у нас таким же трудолюбивым, таким же хорошим гражданином американской республики, как и всякий другой, родившийся в пределах владений этого государства». С такой же хорошей стороны отзываются американцы об их умственных способностях: «ирландцы в Америке постоянно развиваются, идут вперед, улучшают свое положение, и, вообще, оставляя свое отечество, они очень много выигрывают. Во всех отраслях жизни они заметны здесь: как купцы, банкиры, фабриканты, адвокаты, медики, инженеры, архитекторы, изобретатели, литераторы, ученые, артисты».

Однако, несмотря на все благоприятные условия, бедность ирландского народа уже давно обратилась в пословицу. В больших европейских городах жертвами нищеты бывает известный процент рабочего сословия,—в Ирландии поголовно весь народ нищие. В Ирландии считают четыре больших первостепенных города: Дублин, Корк, Бельфаст и Лимерик. Дублин, как мы видели, имеет полное право считаться первым городом страны, своим богатством и постройками он обратил бы на себя внимание не только в Ирландии, но и во всякой другой стране. Остальные города далеко не имеют такого вида и значения, как Дублин, а Лимерик, как было сказано, имеет чрезвычайно жалкий вид. В Ирландии, вообще, чрезвычайно мало городов; её удобные и безопасные гавани, судоходные реки и озера, которые должны были бы вносить повсюду жизнь и движение, почти совершенно покинуты торговлей. Огромная, красивая река Шаннон во многих отношениях превосходит Темзу: уровень её между Киллало и Лимериком на пространстве 15-ти миль понижается на 100 футов, и она и обладает здесь такой массой воды, что могла бы дать огромную механическую силу, но в настоящее время ей почти никто не пользуется, и на всём её протяжении едва встречаются две, три мельницы. А какие бы могли быть устроены заводы и фабрики при такой реке! Часть реки с наибольшей силой течения пропадает даром, а в местах более тихого течения она зачастую вместо плодородия приносит своими наводнениями лишь одни опустошения: затопляет жатвы, поля, делает окончательно бесплодными огромные пространства земли. Благодаря этим условиям главной реки, её притоки производят подобные же опустошения. То же случается и с меньшими потоками, так что поблизости их более низменные земли остаются ежегодно несколько месяцев под водой. Это только самые ничтожные примеры того, как пренебрегают в Ирландии преимуществами природы.

Причину нищеты и лени ирландцев должно искать в ненормальных экономических и социальных условиях, в которые была поставлена Ирландия с самого начала покорения англичанами. Семивековой гнет завоевателей, их жестокие законы, варварские предписания и самое возмутительное преследование религии побежденных,— вот что вконец разорило ирландцев, сделало их ленивыми, лживыми и фанатичными. К тому же англичане по своему характеру были совершенно противоположны ирландцам и ни в чём не могли сойтись с ними: на католическую религию они смотрели, как на религию, несовместную с свободой;

поэтому Ирландию они считали не только своей опасной соседкой и естественным врагом, но и относились к ней с национальной ненавистью и презрением. Ирландцы, в течение семивекового рабства под игом Англии, терпели постоянные притеснения, испытывали всевозможные преследования своей религии и национальности, разорение, нищету, голод, лишения, болезни и изгнание с родины.

Первоначальные жители, кельтского происхождения, называли Ирландию «Эрином», т. е. западной страной. Уже в начале II-го столетия в Ирландию стало проникать христианство, и этот остров, который уже ранее назывался «святым», сделался средоточием христианской жизни и христианской науки.

Набеги ирландцев на Валлис и их морские разбои заставили англичан серьезно подумать о покорении острова, соседство которого было невыгодно для Англии. Папа Адриан IV, англичанин по происхождению, решился покорить этот остров английскому королю, а вместе с тем и подчинить его своей верховной власти. В 1156 г. своей буллой он подарил Ирландию Генриху II, королю английскому, и тринадцать лет спустя англонорманны предприняли завоевание произвольно отданной им страны. Замечательно, что папа отдавал ирландцев в подданство англичанам потому, что он встречал в Ирландии сопротивление своей власти и находил, что народ её недостаточно предан католической религии. Кто бы мог подумать, что эти самые ирландцы, которых в то время считали плохими католиками, сделаются впоследствии мучениками католичества, а ревностные католики-англичане, переменяв религию, будут палачами и гонителями той самой религии, которую они прежде исповедовали.

Завоевать Ирландию считалось делом легким, но расчет оказался неверным. Завоевание, начавшееся в 1169 г., кончилось только в 1603 г. Дикость Ирландии, независимый дух её жителей, страстная любовь к родине и их религиозное одушевление, наконец, собственные внутренние и внешние дела Англии— всё мешало англичанам быстро покорить остров. Англичане овладели восточной частью страны, но в продолжение столетий не могли подвинуть далее своих завоеваний.

Однако история страданий народа начинается не со времени полного покорения страны, а с первого завоевания, т. е. с 1169 г. Прежде земля в Ирландии принадлежала народу, но он обязан был выплачивать своим вождям известную долю из собранной жатвы; плата эта, однако, была самая ничтожная и необременительная. Теперь же наступил другой порядок вещей: начали постепенно отнимать землю у жителей, и они мало-помалу превращались в простых съёмщиков, т. е. мелких арендаторов, или фермеров. Ирландцы должны были,— что существует и до сих пор, — брать клочок земли у богатого землевладельца и платить ему за это известную аренду,— поэтому они и стали называться арендаторами, съёмщиками или фермерами. Таким образом ирландцы потеряли права на землю, которую они обрабатывали и с которой землевладельцы (ими теперь чаще всего являлись англичане, которым раздавали ирландские земли) могли согнать их по своему произволу. За каждый клочок земли арендаторам приходилось платить теперь тяжелые налоги и повинности. Те, которые не хотели подчиниться этому или находили налоги чересчур обременительными, бросали родную землю и выселялись, а землевладельцы в таком случае тотчас старались заселить ее переселенцами из Англии.

Бедствия и нищета страны усиливалась с каждым годом также и оттого, что те из англонорманнов, которые получили или приобрели земли в Ирландии, никогда не оставались в ней жить; они, в большинстве случаев, в то же время имели собственность и в Англии и жили в ней или в каком-нибудь другом месте. Таким образом всё, что они приобретали с ирландских поместий, они проматывали в Англии, Франции или в другой стране, только не в Ирландии. Этот «абсентеизм» (т. е. систематическое отсутствие) землевладельцев, от которого Ирландия страдает и в настоящее время, имел и имеет

страшно гибельные последствия. Зло заключается не только в том, что страна не может таким образом пользоваться чистым доходом с своей земли, что её богатства не остаются в ней, а вывозятся из неё, но абсентеизм (отсутствие) богатых землевладельцев останавливает прогресс и цивилизацию, дает заработок рабочим чужой страны и постепенно оставляет своих без дела. Богатый землевладелец, который постоянно живет в своем поместье, будет всеми силами стараться о проведении хороших дорог и о правильном почтовом сообщении: получать аккуратно письма, легко сообщаться с соседями—потребность каждого зажиточного человека. и потому он содействует устройству хороших дорог и правильному почтовому сообщению. Вследствие этого страна мало-помалу выходит из своего первобытного состояния. Помещик выписывает хорошие земледельческие орудия, улучшает породу скота, и мало-помалу всё земледельческое положение страны изменяется к лучшему. Если помещик постоянно живет в своем имении, ему нужны от времени до времени хорошие ремесленники: столяр, кузнец, портной, плотник. Он сначала выписывает их к себе, многие из них остаются в стране, и таким образом распространяется класс ремесленников и устанавливается новый источник заработка для народа. Трудно перечислить все выгоды, проистекающие от жительства богатых землевладельцев в своих поместьях и указать несчастья и бедствия, постигающие страну вследствие их отсутствия, К тому же ирландские землевладельцы, или лэнд-лорды, никогда не живя в стране, не знали нужд народа, не были связаны с ним ни малейшей симпатией.

Не имея возможности наблюдать за своими поместьями вследствие своего отсутствия, лэнд-лорды, за известную сумму, сдавали свои имения на долгие сроки «миддльменам», т. е. посредникам между ними, землевладельцами, и мелкими земледельцами. Эти «миддльмены» были настоящими пиявицами народа: они только и думали, как бы увеличить свои барыши и одинаково бесцеремонно относились и к несчастным арендаторам, и к земле, ничуть не беспокоясь о последствиях. Чтобы еще более увеличить свои доходы, они раздробили землю на самые маленькие участки и каждый из них отдавали в наем за возвышенную цену. Дробление дошло до того, что было устроено множество таких участков, арендная плата с которых была не более 40 шиллингов. Нечего и говорить о том, что один такой участок не мог прокормить и ребенка. Лэнд-лорды не заботились ни о чём, лишь бы только «миддльмены» аккуратно выплачивали им деньги. Между тем, при такой дробности земли, правильное земледелие и хорошее хозяйство немислимы. Земля истощалась, способы земледелия оставались в первобытном виде, арендаторы нищали с каждым днем, питались одним картофелем, а между тем арендная плата с каждого участка поднималась всё выше и выше. «Миддльмены» и лэнд-лорды знали очень хорошо, что народ не имел другого средства заработать себе кусок хлеба, кроме арендования этих жалких участков, и смело увеличивали арендную плату.

Гнет распространялся на все стороны жизни ирландцев. Колонисты из Англии жили по большей части в ирландских городах и занимались торговлей и промышленностью. Английское правительство скоро дало им разные привилегии; к тому же эти колонисты образовали разные муниципальные корпорации и цехи, в которые ирландцы не имели доступа; делали это они с целью, чтобы упрочить за собой монополию торговли и промышленности. Из этих английских колонистов составилась также ирландский парламент, который участвовал в решении судьбы этой страны; лица, ставшие во главе его, направляли все силы не на то, чтобы усилить благосостояние Ирландии, а чтобы постепенно стереть ее с лица земли. Естественно, что смертельная ненависть к англичанам всё сильнее и сильнее охватывала ирландскую нацию. Не раз восставала она против своих притеснителей, и каждое восстание англичане подавляли, проливая целые потоки ирландской крови. Последствиями таких восстаний были громадные конфискации земли, которую раздавали за разные заслуги богатым англичанам. Все усилия английского правительства были направлены к тому, чтобы

всю поземельную собственность ирландцев отдать в руки английских землевладельцев. Так как каждое восстание в Ирландии страшно обогащало богатых и знатных англичан, то правительство, хотя и подавляло всякое вспыхнувшее возмущение, но охотно допускало его. Кто-то по этому поводу чрезвычайно метко заметил: «восстание в Ирландии — это гусь, который кладет золотые яйца, а верховные судьи—лорды не так глупы, чтобы убить его».

Угнетения, преследования и желания обангличить ирландцев всё усиливались. Английский король Эдуард III (1327—1377 г.) запретил даже браки между англичанами и ирландцами под страхом смертной казни, и, действительно, были примеры, что казнили смертью даже самых высших лиц из английской аристократии, вступивших в брак с ирландцами. Всякий, кто носил ирландский костюм, кто говорил на языке ирландцев, придерживался их обычаев, назывался ирландским именем,—подвергался тюремному заключению и конфискации имущества. Никто из англичан не имел права дозволить какому-нибудь бедному ирландскому семейству пасти скот на своих землях: за это ослушника подвергали строгому взысканию. Запрещено было принимать ирландцев на общественную и государственную службу. Мало того: англичанам, жившим в стране ирландцев, запрещено было не только торговать с ними, но и посещать их. Ирландец, зашедший на территорию английской колонии, подлежал аресту и суду. Наконец, каждый англичанин имел право убить ирландца, которого он считал заведомым «вором», хотя бы он ни разу не поймал его на месте преступления.

К довершению неслыханных бедствий и страданий народа начинают жестоко преследовать его религию. Англия, переменяя свою религию, непременно хотела заставить Ирландию последовать её примеру. Конечно, это желание проистекало не столько из религиозного рвения, сколько из корыстных политических и сословных расчётов и из материальных интересов, удовлетворять которым было так удобно под предлогом искоренения богопротивной ереси. Предлог же не трудно было найти, благодаря фанатизму и постоянным мятежам ирландцев. Как бы то ни было, но с 1535 по 1691 г. религиозная война почти не прерывалась. Все короли и правители Англии в продолжение всего этого времени старались превзойти друг друга в жестокостях и один за другим опустошали и отнимали земли у ирландских католиков. Но чем более ирландцы выносили преследований за свои религиозные убеждения, тем упорнее оставались католиками. Отстаивать свою религию их побуждал не только фанатизм, но ненависть к англичанам, естественное желание противиться всему, чего требуют враги, и еще более врожденный патриотизм ирландцев, их страстное желание сохранить независимость своей родины и право собственности на землю. Король английский Генрих VIII (1509— 1547) отдал католические церкви англиканскому духовенству, заставил подвергать строгому наказанию каждого, кто хотя наружно не исповедовал англиканской религии.

Наконец, английская королева Елизавета довершила завоевание Ирландии в 1603 г. Вот что говорят об Ирландии того времени: «Страна, прежде богатая, плодородная, весьма населенная, покрытая богатыми пажитями и стадами, ныне сделалась пустыня и бесплодна. Она ничего не производит: нет более жатвы на полях, нет стад на пастбищах, нет птиц в воздухе, нет рыб в реке, словом, точно проклятие легло на эту страну».

Однако, несмотря на то, что Ирландия была до последней степени истощена и измучена, она не сделалась англиканской. Тогда Англия прибегла к другим средствам: к конфискации земель громадными массами, к изгнанию католиков из страны десятками тысяч и заселению Ирландии англичанами.

Усмиряя мятежи ирландцев, английская королева Елизавета конфисковала 600,000 акров земли в Ирландии и раздарила ее в собственность англичанам из своих любимцев и другим лицам на различных условиях, из которых главное состояло в том, что ни один ирландский земледелец никогда не будет допускаем на эти земли. Прежние собственники

этой земли должны были удалиться в дикие леса и горы. Здесь, отвыкая от земледелия, они превращались в охотников, пастухов и отчаянных храбрецов, которые, постепенно увеличиваясь в числе, делались грозой англичан.

После Елизаветы на английский престол вступает Иаков I, который продолжает в Ирландии политику своей предшественницы. Под предлогом нового заговора в Ирландии, он конфисковал в шести северных графствах этой страны около 500,000 акров земли и роздал ее в собственность англичанам и шотландцам. Открыто продолжать конфискацию земель он находил для себя, вероятно, неудобным и потому изобрел новый способ, посредством которого он сразу лишил огромное число ирландцев своих поземельных участков. С этой целью он потребовал у ирландских землевладельцев ясных доказательств их прав на владение, и при этом малейшая неправильность в форме актов вела к конфискациям. Таким образом было конфисковано еще 450,000 акров. Преемник Иакова I, Карл I, продолжал ту же систему: лорд Страфорд (в начале царствования Карла I) ограбил всех жителей Коннаута, позволяя себе самые бесчеловечные поступки против присяжных, осмелившихся противиться его захватам; их подвергли за это ужасным пыткам: жгли раскаленным железом, прокалывали языки, обрезали уши. И всё это произошло только потому, что лорд Страфорд, желая придать своим захватам законный вид, отдал дело на суд 12-ти присяжных, предоставив им решить, принадлежит ли земля графства королю Англии, или нет. Ни подкуп, ни угрозы, ничто не могло заставить присяжных дать на этот вопрос ответ, вымогаемый Страфордом.

Вместе с этим усиливаются и религиозные преследования католиков. Оливер Кромвель, имя которого до сих пор с ужасом произносится ирландцами, опустошил весь остров огнем и мечом. Мало того, 20,000 ирландцев были проданы в рабство в Америку и всем оставшимся католикам, под страхом смертной казни, не дозволено нигде жить, кроме провинции Коннаута. Все разоренные, обнищавшие, гонимые, все считавшие преступлением даже и по наружности изменять своей религии, одним словом весь отчаянный ирландский пролетариат, с своими невообразимыми лохмотьями, но с своей страстной любовью к родине и с своей пламенной ненавистью к угнетателям, бросились в Коннаут. Коннаут в то время был жалкой провинцией; масса бедных, изнуренных ирландцев придавала этой местности поистине ужасный вид. Недаром с этих пор вошло в пословицу: «в ад или в Коннаут». Несчастье ирландцев увеличилось еще тем, что им совершенно был запрещен переход границы этой провинции. Каждого ирландца, встреченного на левом берегу реки Шаннон, бывшей границей, всякий мог убить совершенно безнаказанно. Но и на этом тесном пространстве несчастных не оставили в покое: англичане нашли нужным и в этой провинции утвердить свое господство. Оставив католикам деревни, они решили своим местом жительства сделать ирландские города, из которых с страшной жестокостью и были немедленно изгнаны все католики.

Ирландия сделалась таким образом собственностью англичан: англичане владели теперь ирландской землей, господствовали в городах, выбирали своих депутатов в ирландский парламент, и, наконец, англиканская церковь, на содержание которой давала средства католическая Ирландия, сделалась господствующей. Такое положение дел вызывало постоянные мятежи, при усмирении которых тысячами грабили несчастных ирландцев-католиков.

Первый большой мятеж был при Елизавете: четыре ирландских провинции восстали сначала поодиночке. и каждый раз их усмиряли в высшей степени жестоко, потом эти провинции, поддерживаемые иностранными католиками, восстали все разом и снова были усмирены, разорены, залиты кровью. Второй великий мятеж начался в 1641 г. Ожесточенные и разоренные ирландцы восстали под предводительством О'Нейля и дали клятву не оставить в стране ни одного англичанина. Трудно себе представить, сколько было пролито крови с той

и с другой стороны: те и другие по отношению друг к другу доходили до самого возмутительного варварства. Ирландцы выгоняли англичан, отнимали у них имущество, самым варварским образом умерщвляли их детей, жгли фермы, убивали скот, часто даже не пользуясь им. Это была месть со стороны ирландцев, взрыв страшного негодования. Захватив пленников, они нередко запирали их в какое-нибудь здание, поджигали его, и в то время, когда несчастные испускали вопли отчаяния, они радовались их мучениям, издевались над ними самым диким образом; многих пленников топили в реках. Ирландские священники поощряли эту бойню. Даже женщины осыпали англичан проклятиями и обгаляли руки в их крови. В первый год мятежа было истреблено около 37,000 англичан. Те из них, которые избежали смерти, бежали в Дублин, умирая дорогой с голоду и разнося повсюду эпидемию, жертвами которой в одном только Дублине было наполнено два новых кладбища. Общественное мнение Англии стало громко требовать совершенного истребления ирландского народа. Многие англичане, власть имеющие в Ирландии, нарочно раздували мятеж и старались впутать в него как можно более лиц, чтобы поживиться конфискованными богатствами ирландцев. Не на жизнь, а на смерть готовилась война Англии с Ирландией. Английский парламент торжественно заявил, что он истребит всех ирландцев или совершенно уничтожит католическую религию в Ирландии. Для того, чтобы исполнить свою угрозу, английский парламент собрал 50 тысяч войска и занял огромную сумму денег, в обеспечение которой вперед роздал заимодавцам земли ирландских католиков. Война совершалась с ожесточением и ненавистью, до сих пор неизвестной. Начальникам английской армии было совершенно открыто предписано «поражать, убивать, истреблять всех бунтовщиков, их соучастников и приверженцев; сжигать, опустошать, разорять, грабить, разрушать все места, города, дома, в которых мятежники находят убежище или помощь, истреблять съестные припасы, каждого, встреченного с оружием в руках, убивать на месте». Измученной и совершенно разоренной Ирландии трудно было защищаться против Англии, и последняя имела решительный успех. Ужасам не было конца. Англичане поголовно избивали ирландцев, оскверняли места, священные для них, превращали в конюшни и казармы католические церкви и монастыри, разрывали и грабили даже могилы, умерщвляли жителей, спрятавшихся в церкви, продавали ирландцев в рабство в Вест-Индию. Мятеж 1641 г. и его усмирение стоили Ирландии около 600,000 человеческих жизней. После этого через 40 лет в Ирландии опять вспыхнуло восстание. И эти восстания и мятежи продолжались вплоть до половины XVIII века, когда они потеряли свой преимущественно религиозный характер.

Несмотря на то, что во время этих мятежей ирландцы гибли тысячами, бежали на чужбину и совершенно разорились, они не вымирали окончательно. Когда английское правительство увидало, что не может силой оружия истребить ирландцев, оно изобрело законы, которые должны были окончательно подавить Ирландию. Эти законы в одно и то же время посягали на частную и публичную жизнь ирландцев, на их собственность и на их национальное достоинство. Все высшие лица католического духовенства должны были навсегда покинуть Ирландию. Если кто из высшего католического духовенства оставался в Ирландии после упомянутого срока, то подлежал тюремному заключению. Тяжкие наказания, начиная с денежных штрафов и кончая изгнанием, ожидали каждого, кто помогал этим лицам или скрывал их в своем жилище. Колокольный звон и религиозные процессии были запрещены безусловно; чудотворные иконы, кресты, статуи, святые могилы, — всё подлежало истреблению, а ходившие поклониться им пилигримы—бичеванию. Все католические школы были закрыты, учителя изгнаны и, в случае возвращения, подвергались смертной казни. Посылать детей за границу для обучения тоже запрещено было ирландцам, под страхом тяжких наказаний. Каждый чиновник (ирландцы-католики не занимали никаких высших мест и должностей на своей родине, а составляли только простонародье) имел право

требовать от католика, чтобы тот представил ему своих детей и тем доказал, что они не отосланы за границу. Мировой судья мог всегда потребовать от католика отчета, как он провел день, где был у обедни, кто служил ее и кто присутствовал на ней; если допрашиваемый не отвечал или отвечал неверно, то подлежал штрафу в 20 фунтов стерлингов или же годовичному тюремному заключению. Католик не имел права ни наследовать своим протестантским родственникам, ни принимать от них подарки, ни быть опекуном, как своих собственных, так и чужих детей. Ирландские католики не имели права вступать в супружество с лицами другого вероисповедания. Священник, повенчавший католика с женщиной другого вероисповедания, или наоборот, подлежал смертной казни. Только тот католик, который переменял свою религию на англиканскую, мог сделаться собственником всего родительского имущества. Католик не мог быть ни избирателем, ни избираемым в члены парламента; он не мог занимать никаких государственных и общественных должностей, не мог быть ни адвокатом, ни стряпчим, ни присяжным. Не имея права быть поземельным собственником, ирландец мог быть только арендатором земли, с платой за землю не менее 2/3 валового дохода. Щедрая награда ожидала доносчика, который укажет правительству католика, арендующего землю на более выгодных для него условиях. Ирландцам, кроме земледелия, оставались некоторые второстепенные занятия промышленностью и торговлей, но и тут законодатели постарались устроить так, чтобы католик не мог обогатиться. Торговля и промыслы были в руках английских купцов и промышленников, религия которых, интересы и законы заставляли устранять ирландцев от какого бы то ни было занятия. Хотя не было прямого запрещения занятий ремеслами для ирландцев, но их ставили для этого в возможно неблагоприятное положение. Только одна дорога была открыта ирландцам—делаться арендаторами маленьких клочков земли и наемными рабочими. При этом все государственные тягости взваливали на католиков, которых облагали самыми тяжелыми налогами. Дороги строились по желанию английских лордов, но не для сообщения между населенными местностями, а для более удобного проезда к замкам господ-землевладельцев. Школ не строили для ирландцев, но зато для них много было настроено тюрем. «Эти законы», говорит один писатель,—«самое ловкое и самое сильное орудие угнетения, которое когда-либо изобретал развратный гений человека для того, чтобы разорить, опозорить, унижить до последней степени, окончательно развратить народ и заглушить в нём самые чистые источники человеческой природы».

Если бы Англия могла поддерживать во всей строгости и заставить безусловно выполнять эти законы, то окончательная гибель ирландского народа была бы неизбежна. Но сила этой системы оказалась столько же недействительной, как и сила оружия. невозможно было превратить в острог целую страну, в арестантов целую нацию, в сыщиков и неумолимых тюремщиков всех живших в Ирландии англичан. Законы выполнялись с неумолимой строгостью во времена смут, но затем энергия англичан ослабевала, а католики, посредством интриг, взяток, угроз и пользуясь ослаблением гнета, обходили упомянутые законы, которые вдобавок ко всему нередко противоречили один другому. Во время этих периодических послаблений католики являлись в роли адвокатов, купцов, землевладельцев; возобновлялись монастыри, снова звонили колокола католических церквей, снова устраивались публичные процессии и пилигримства, страна наполнялась монахами и монахинями, архиепископы и епископы в глазах правительства делали свое дело, толпы детей посещали католические школы, всякий истый ирландец имел на всякий случай достаточный запас оружия. Собравшись с силами, ирландцы оказывали явное сопротивление англичанам; тогда снова наставал террор: разрушались церкви, изгонялись священники, исполнялись во всей строгости законы и предписания, пока опять всё это не кончалось новым послаблением до какого-нибудь повода к возобновлению террора. Но ни та, ни другая система управления не примиряла ирландцев с их властителями. Террор только

усиливал их патриотический и религиозный фанатизм, доводивший их до отчаянных мятежей, а временем послаблений они пользовались для организации более правильных восстаний и более систематической борьбы с англичанами. Уголовные законы, как и управление силой оружия, достигли только того, что примирение ирландцев с английским владычеством сделалось невозможным, а Ирландия обратилась в язву, ослаблявшую британское государство.

Народ возмутительно обнищал: земледелие, торговля, промышленность, — всё было убито. Громадное количество земель, принадлежавших крупным английским собственникам, не возделывалось и не приносило пользы ни им, ни народу, между тем как ирландцы нищали прежде всего от обезземеления. Участки дробились всё мельче и мельче, сельское хозяйство приходило в большой упадок, и миниатюрные участки всё возвышались в цене. Кто бы мог поверит в наше время, что целой нации запрещены были промыслы известного рода, а между тем это действительно было. Сначала англичане запретили ирландцам заниматься тканьем сукон. Тогда ирландцы начали продавать свою шерсть на фабрики во Францию и Испанию. Испугавшись, что это могло повести к обогащению ирландцев, англичане не дозволили им вывозить шерсть за границу и обязали ирландцев продавать ее шотландским и английским ткачам. Не видя выгоды быть поставщиками исключительно английских фабрик, ирландцы бросили выработку шерсти. Некоторые из них имели скот и занимались вывозом в Англию масла, сыра и мяса, но этот вывоз из Ирландии тоже был воспрещен ради охранения английских скотоводов, вывозить же эти продукты вдаль, на парусных судах, было для ирландцев немислимо. Таким образом и эта отрасль хозяйства, очень выгодная в стране, была приведена к ничтожеству. Ирландцы разводили лен и ткали полотна, пользовавшиеся большой известностью,—англичане немедленно обложили вывозимые из Ирландии полотна огромными пошлинами, убившими производство. Вильгельм III не постыдился объявить в парламенте, что он сделает всё, что от него будет зависеть, для того, чтобы убить ирландские фабрики, которые начинали несколько развиваться. Таким образом вывоз большей части ирландских произведений, особенно тех из них, которые могли делать хотя слабую конкуренцию Англии, был запрещен.

Торговля была стеснена еще более: вследствие правительственных распоряжений иностранные корабли и суда могли приставать к Ирландии не иначе, как побывав прежде в какой-нибудь английской гавани; точно также и корабли ирландские, отправляющиеся в американские колонии. Результатом этих запрещений было то, что и в настоящее время, несмотря на удобство ирландских гаваней и на большую свободу, которой они теперь пользуются, вся внешняя торговля Ирландии не превосходит внешней торговли какого-нибудь второстепенного порта Шотландии.

Ирландский народ должен был заниматься исключительно земледелием без собственной земли и приобретать мануфактурные произведения только из Англии. Только одно ремесло оставлено было за ирландским народом без конкуренции — ремесло земледельца-нищего и поденщика; но и тут англичане сумели стеснить личную свободу ирландца и оскорбить его религиозное чувство: поденщик, который отказывался работать в специально католический праздник, подвергался строгому наказанию.

Ирландские католики не только были угнетены английскими законами: стремление к угнетению ирландцев перешло в нравы англичан, и, имея в своих руках с одной стороны огромную власть, признанную законами, с другой угнетенный народ, они без стеснения пользовались своей силой. Вот, что говорит Артур Юнг, знаменитый путешественник, посетивший Ирландию в конце XVIII века: «В Ирландии—землевладелец совершенный деспот; в отношениях с своими арендаторами он не признает другого правила, кроме своего произвола. Нет приказания, которого бы его служитель или земледelec осмелился не исполнить. Он требует беспредельной покорности и при малейшем ослушании

безбоязненно употребляет бич или палку. Несчастный, который осмелился бы показать хотя признак сопротивления, был бы мгновенно уничтожен под ударами. Такого рода убийства совершаются без опасения суда присяжных. Путешественник нередко видит на дорогах Ирландии, как служители какого-нибудь английского джентльмена сталкивают в ров своих бедных собратьев-ирландских крестьян только для того, чтобы расчистить дорогу своему господину. Пусть телеги падают и ломаются... Что за важность! ирландцы безмолвно подымут и исправят их, а если который-нибудь из них и возвысит свой голос, ему ответят ударами. Если бедняк осмелится подать на джентльмена жалобу, то, вместо того, чтобы взыскать с обвиняемого, он сам непременно будет обвинен. Впрочем, ирландский бедняк слишком хорошо знает свое положение, чтобы заводить дело с богатым».

Понятно, что система правления Ирландией, её совершенное разорение и унижение всё более ожесточали ирландцев, развивая в них смертельную ненависть к англичанам и пороки, неизбежные при таком возмутительном гнете. Ирландцы выработали совершенно особую мораль по отношению к англичанам: обокрасть, ограбить, убить, поджечь — всё это преступления по отношению к своему собрату, но величайшее геройство, если только это сделано с англичанином. Убийство англичанина, поджог его фермы, угон скота и тому подобные преступления постепенно усиливались и уже в XVIII веке начали принимать форму систематической, организованной борьбы. Этих исполнителей народной мести, смотря по времени, в которое они появлялись, и сигналу, ими принятом, называли разными названиями: в 1760 г. их называли «белыми ребятами», «заступниками» и «уравнителями»; в 1772 г. они принимают название «стальных малых», затем «молотильщиков», потому что оружием их был цеп, «чесальщиков», потому что они обдирали своих жертв чесальными инструментами, «лохмотников» (Ribonmen). Шайки эти с самого своего появления обозначали свой путь страшными жестокостями и под разными кличками свирепствовали более столетия.

«Белые парни» появились в 1760 г. и назывались так потому, что носили поверх платья белые рубашки. Они появились в стране повсеместно, заставляли сельских жителей давать клятву, что не выдадут их, наказывали лэнд-лордов, чрезмерно возвышавших арендную плату и заставляли их облегчать положение работников. Нередко они сжигали жилища и истребляли имущество людей, которые им сопротивлялись. Каждый член их общества обязывался, под страхом смертной казни, хранить тайну и беспрекословно исполнять возложенное на него поручение, хотя бы оно было и уголовным преступлением. Народ был обложен налогом, который «белые парни» собирали для покупки оружия, ведения процессов, найма адвокатов, подкупа свидетелей и обеспечения тех, которые специально занимались их профессией. Если землевладелец чрезвычайно возвышал арендную плату, то мог быть уверен, что через несколько дней на дверях его дома или другого какого-нибудь здания будет прибито объявление в роде следующего: «сим вы извещаетесь, что мы не будем более терпеть несправедливости, обязывающей нас платить вам аренду, возвышенную вдвое против надлежащего». Если где-нибудь ирландские работники получали слишком низкую задельную плату, точно также являлся подобный таинственный декрет: «начиная с сего дня, ни один рабочий не будет работать менее, чем за 10 шиллингов в неделю. Горе тому, кто согласится работать за меньшую плату». Когда эти предписания не выполнялись теми, к кому были адресованы, «белые парни» собирались ночью для совещания, назначали наказание ослушнику и бросали жребий, кому из них быть исполнителем воли их общества. Тот, на кого падал жребий, должен был обыкновенно или поджечь дом эксплуататора, или убить его. Такие агенты «белых парней» иногда выслеживали свою жертву в продолжение многих месяцев и умерщвляли ее самым варварским образом. «Белые парни» наводили ужас на самых знатных и богатых людей страны. Судьи, присяжные, свидетели,—все боялись их и очень часто держали их сторону.

Едва только начинался какой-нибудь процесс об одном из них, как их шайка пускала в ход все средства, чтобы помешать действию закона. По обыкновению, являлись тотчас прокламации: «Того, кто покажет против «белых парней», ждет смерть». При этом прилагали рисунок гроба. И они большей частью точно выполняли свои угрозы. Некоторые из них убивали не только землевладельцев, требующих слишком высокой платы за свой участок, но и фермера, т. е. своего же брата ирландца, который соглашался ее платить. «В Атлоне», уже в конце шестидесятых годов девятнадцатого столетия говорит один писатель, «вывешено было объявление на дверях католической церкви, в котором арендаторы мистера Кука предупреждались, что, если они будут платить более 30 шиллингов за акр, то могут заказывать себе гробы. Поселянин Крофорд убит с женой и ребенком; он сам никому не причинил вреда, но отец его выселял арендаторов. Торнтон отказал одному из пастухов, и его вскоре нашли зарезанным днем в поле, где работали поселяне, и убийца никогда не был отыскан. Мистер Дарси Ирвин, в графстве Арманак, намеревался сделать некоторые перемены в своем поместье. Когда это сделалось известным, он получил следующее письмо: «М. Г., если вы приведете в исполнение свой план удаления арендаторов, то знайте, что вас ожидает: гроб готов, ружье заряжено, и жребий брошен, кому вас застрелить. Это— последнее предостережение. Если вы не хотите отправиться к чёрту, вашему повелителю, то откажитесь от вашего плана. Иначе вот этим (следует рисунок ружья) этот (рисунок человека) отправит вас в ваше жилище (рисунок гроба),—подписал один из 20,000».

Ни одна шайка не существовала так долго и не достигала таких по истине ужасающих размеров, как союз «лохмотников» или рибонменов, известных под именем «Ribon society»; они господствовали в стране целое полу столетие, а именно с 1820 по 1870 г. Члены этого тайного аграрного общества, за весь этот период своего владычества, наводили от времени до времени панический ужас и беспредельный страх на всех земледельцев и даже на правительство. Под названием рибонменов, как думают, существовала не одна, а множество шаяк и обществ; смотря по времени и месту, изменялись их цели и характер: в одной местности Ирландии они вели ожесточенную борьбу с сборщиками церковной десятины, в другой—против изгнания фермеров и возвышения ренты; здесь они принимали мирный характер рабочих союзов и занимались исключительно регулированием заработной платы поселян. Они достигли такой силы, что им достаточно было издать приказ, и все немедленно повиновались ему. Всякое нарушение их предписаний каралось жестокими насилиями и убийствами. Замечательно, что, несмотря на свое влияние, члены общества рибонменов состояли из людей низшего слоя: из лавочников, ремесленников и преимущественно из мелких фермеров, но исключительно из католиков. Их документы и приказы отличались безграмотностью, но устройство этих обществ и их действия обнаруживали замечательное искусство, ум, ловкость и энергию.

Нужно заметить, что все эти тайные общества, существовавшие в огромном количестве вплоть до самого последнего времени, разделяются на аграрные и политические. Аграрные общества, членами которых состояло чуть не поголовно всё сельское ирландское простонародье, имели в виду не столько борьбу против Англии и её правительства, сколько войну с землевладельцами. Под влиянием этих обществ производились все покушения на жизнь лэнд-лордов и их агентов. Несмотря на тяжкие уголовные преступления, на зверские насилия, убийства и дикое самоуправство, с которыми члены этих тайных обществ карали лэнд-лордов и всех эксплуататоров ирландского простонародья, суеверное католическое население считало их угодными Богу и смотрело на них, как на своих защитников. Каждый простолюдин считал своей священной обязанностью вступить в то или другое тайное общество, если только его находили к тому способным. В урожайные годы эти общества мало проявляли свою деятельность, но когда наступал голодный год, против них была бессильна полиция, потому что на их стороне был весь народ. «В Ирландии», сказал в

парламенте один депутат, «издавна существуют два правительства, имеющие каждое свои законы: правительство королевы и правительство тайных аграрных обществ, из которых последнее нередко пользуется бОльшим авторитетом». К этим аграрным обществам относятся «белые парни» и «рибонмены», о которых было сказано выше; их целью была исключительно борьба с землевладельцами.

Наконец, общества рибонменов стали заметно исчезать: их заменила «ирландская земельная лига». Это был тоже аграрный союз, но уже не тайный и более мирного характера. Карая землевладельцев за их беззакония с фермерами, лига не считала нужным прибегать к убийству и другим преступлениям. Главная цель членов этой лиги, появившейся в Ирландии с 1870 г.,—уговаривать крестьян прекращать сношения с наиболее жестокими лэнд-лордами. Когда кто-нибудь из них прогонял арендатора с своего участка за неплатеж слишком высокой ренты, все остальные арендаторы по соседству должны были немедленно наказать такого лэнд-лорда. Это наказание заключалось в том, чтобы к нему ни под каким видом не идти ни в арендаторы, ни в работники; мало того: никто не должен был что бы то ни было продавать ему, давать займы, никто не должен был даже разговаривать с ним. Такому изолированию лига предписывала подвергать всех ирландских землевладельцев, выгнавших фермеров, возвышавших ренту и совершавших различные несправедливости. Первый лэнд-лорд, которому пришлось испытать на себе эту меру, был капитан Бойкот,— после чего она навсегда стала называться «бойкотированием». Таким образом «бойкотировать» значит выживать землевладельца, прекращая с ним всякие сношения, делая его во всех отношениях совершенно беспомощным, заставляя его волей-неволей бросить свое хозяйство. Члены лиги обязаны были заботиться, как об арендаторах, выгнанных своими лэнд-лордами, так и о судьбе крестьян, устраивавших «бойкот», помогать им деньгами, стараться приискать им занятия. Мало-того: когда лэнд-лорд назначал за свой участок слишком высокую плату, члены лиги являлись к его арендаторам, вместе с ними определяли размер платы земельного участка, по этой оценке собирали с арендаторов деньги и отправляли их лэнд-лорду. Действия «ирландской земельной лиги» навели большой страх на лэнд-лордов. Они заставили многих из них серьезно подумать о том, что наступило, наконец, и для них время, когда им невыгодно раздражать арендаторов своей несправедливостью,—ведь иначе они немедленно становились заклейменными лигой, т. е. такими, которым никто ничего не смел продавать, у которых никто ничего не смел купить, к которым никто не шел ни на какую работу: их земли оставались не арендованными, их сады и огороды не убранными. Заклейменный мог отправить на рынок свой скот, картофель, зерно, но он не должен был найти себе покупателя; покупающий у заклейменного тоже подвергался бойкотированию; булочник не должен был давать ему хлеба, мясник мяса; от детей его все должны были отворачиваться в школе; ни один трактирщик не смел давать ему ночлега. Но в 80-х гг. были арестованы главные деятели лиги,—ся члены рассеялись, и она была закрыта.

Свою ненависть к англичанам и стремление улучшить свое отчаянное материальное положение ирландцы проявляли не только восстаниями, вспыхивавшими в стране то здесь, то там, крупными мятежами, тайными союзами (см. союз «белых ребят», «рибонменов» и т. п.), союзами более мирного характера в роде «ирландской земельной лиги», но и политическими ассоциациями. Политические союзы отчасти тоже преследовали улучшение материального положения ирландцев, но главные их стремления были направлены на цели политические: освободить ирландцев от английского владычества. Из этих политических союзов наиболее сильными явились союз «фениев» и союз партии «гомруля».

Тайный союз «фениев» возник в 1861 г. в Соединенных Штатах и быстро распространил свои разветвления из Америки по Ирландии, даже по Англии, повсюду, куда только переселялись ирландцы, выгоняемые с своей родины нищетой, болезнями и возмутительным произволом лэнд-лордов. «Союз фениев» открыто проповедовал

политические убийства; под его кинжалами пало множество жертв.

ФениИ имели огромную силу в 60-х годах нынешнего XIX-го столетия, издавали газету, устраивали в Ирландии восстания, впрочем неудачные. В 1880 г. в Филадельфии собралось множество фениев, и на этом собрании была основана новая фенианская ассоциация, уже с чисто террористическими целями, главой которой сделался Одоннован-Росса. Её цель— насильственное отторжение Ирландии от Англии и провозглашение республики в Ирландии. Лучшее средство к достижению своих целей ассоциация Одоннована-Россы видела в организованной системе ужасающих катастроф, совершаемых в Англии и на английских кораблях до тех пор, пока распространившаяся паника не заставит Англию с радостью «отпустить на волю Ирландию». ФениИ не видели ничего преступного в ужасающем характере тех средств, которыми они не брезгали для достижения своих целей. Они говорили, что они находятся в войне с Англией и потому считают позволительным вредить неприятелю. И действительно, перед их грандиозными преступлениями побледнели все остальные, хотя очень многие из них, к счастью, не удались. Вспомним лишь некоторые из них: ряд неудачных покушений на взрыв городских ратуш в Лондоне и Ливерпуле, таинственная гибель военного корабля, взлетевшего на воздух в море по неизвестной причине, открытие адских машин в бочках с цементом; они принимали также участие в аграрных преступлениях, совершаемых в Ирландии. Страшные злодеяния, убийства, целый ряд динамитных покушений фениев,— всё это привело, наконец, в ужас английское общество. Раздался всеобщий крик в пользу реформ для Ирландии. И действительно англичане вынуждены были сделать ирландцам некоторые уступки, и хотя они были в сущности весьма незначительны, но убийства сразу прекратились. С этого времени союз фениев стал быстро ослабевать и падать и, наконец, уступил место новой политической партии, совершенно миролюбивого характера,— партии «гомруля», которая добивалась отдельного представительства, т. е. требовала для Ирландии отдельного ирландского парламента. Но об этой партии будет сказано в следующем очерке. Теперь познакомимся с тем, что было в Ирландии в конце XVIII и в начале XIX ст.

Печальное состояние Ирландии, народные возмущения, бесконечные аграрные преступления, шайки грабителей и убийц, наводящие ужас на всех жителей, влияние наиболее честных представителей мысли в Англии, в ярких красках изображавших отчаянное положение Ирландии, всё это уже издавна заставляло английский парламент от времени до времени пересматривать и изменять законы Ирландии. Первый шаг в этом направлении сделан был в 1778 г. Закон, по которому сын, переменявший свою религию на англиканскую, получал право завладеть всем имуществом своего отца-католика, был отменен; отменен был и закон, по которому католик не имел права получить наследства от родственника, принадлежащего к англиканской религии. Дозволено было католикам законтрактовывать земли на 99 лет, и сделаны некоторые облегчения промышленности и торговле Ирландии. Католики приобрели право адвокатства и других общественных служб, право иметь работников, право не соблюдать англиканских обрядов, право воспитывать своих детей, как угодно, и жениться на ком угодно, наконец— право голоса на выборах. Вместе с восстановлением имущественных и общественных прав католиков, отменили запрещения, лежавшие на духовенстве, учителях и богослужении. Наконец, в 1782 г. Ирландия была объявлена независимым королевством, состоящим в федерации с Англией. В течение четверти столетия Ирландия имела свой национальный парламент, но депутаты этого ирландского парламента (по крайней мере большинство их), были подкуплены англичанами (пенсиями, титулами, подарками), и в ирландском парламенте проводили в ущерб интересам ирландцев всё, чего желали англичане.

Но вот вспыхнула французская революция; понятно, какой сильный отголосок должна была она найти в сердцах пострадавшего ирландского народа. До того времени Ирландия

искала реформ, как уступок со стороны Англии, теперь она стала их требовать, как права. Ирландия не чувствовала более признательности за вынужденные уступки со стороны Англии и мечтала только о том, чтобы совершенно сбросить английское иго. В 1798 г. в Ирландии происходит восстание. Тогда английское правительство возвратилось к своей прежней политике и налегло на Ирландию с жестокостью, напоминающей времена Елизаветы и Кромвеля. Чтобы вынудить сознание в участии в восстании, заподозренных людей били кнутом, подвергали пытке, до полусмерти держали на виселице. Если являлись свидетели в пользу обвиняемого, их отстраняли, а если они настаивали и непременно хотели дать показания, их выгоняли штыками. Смертный приговор приводили немедленно в исполнение. Приговоренных не только вешали, но и уродовали их трупы, издевались над ними самым возмутительным образом.

Уже раньше английское правительство мечтало об уничтожении ирландского парламента и о полном присоединении Ирландии к Англии; но в мирное время осуществление этого плана было невозможно. Теперь же, когда страна после восстания 1798 г. была разорена и подавлена, серьезного сопротивления присоединению не могло быть, и Англия потребовала от ирландского парламента акта самоотречения. Это предложение было сперва отвергнуто с негодованием, но когда английский парламента назначил для подкупа ирландских депутатов 1.600.000 фунт. стерл. и пообещал им множество выгод, оно было принято в 1800 г. Этот-то акт, вырванный самым позорным образом, Англия назвала добровольным соединением Ирландии с Англией.

Прошлое ирландцев—море крови и слез, в котором задышался несчастный народ! Положение Ирландии в нынешнем столетии так же печально, как и в прошлом. В 1829 г. была объявлена эмансипация католиков, но, повторяем, освобожденная Ирландия находилась в большей нищете и унижении, чем прежде Ирландия угнетенная. Зло, посеянное семью веками, оставило глубокие следы. Вот каково было положение ирландцев в 30-х годах нынешнего столетия. «Маленькие земельные участки отдавались фермерам—ирландцам за слишком высокую плату. Одежда ирландца—жалкие лохмотья. Жилище его хуже палатки кочующего араба: та далеко светлее и чище смрадной лачуги ирландского арендатора; печи в ней нет никакой; всевозможные миазмы наполняют такую жалкую хижину. Усилия полиции и суда не могут уничтожить незаконных сборищ и гнусных преступлений, которые продолжают позорить страну. Чернь ходит толпами по графствам, требуя уменьшения ренты и увеличения заработной платы, угрожая убийством судьям и знати, всем, кто осмелился бы ей не покориться, и возбуждает к противодействию. Народ умирает от дурной пищи и впадает в болезни от недостатка одежды во время суровой зимы. Только в двух баронских поместьях графства Майо в половине февраля было до 20,000 человек, не имевших ни- каких средств достать себе пищу».

Бедность ирландского народа усиливалась с годами также и потому, что участки, которые арендовал крестьянин, делались всё меньше и меньше. И это понятно: количество возделываемой земли оставалось почти одно и то же, между тем народонаселение страшно увеличивалось и жило исключительно земледельческим трудом. Естественно, что земля при этом должна была дробиться на всё более и более мелкие участки. В 1672 г. жителей в Ирландии было 1.320,000 человек; в 1792 г.—уже более 4-х миллионов; в 1834 г. 7.943,000, а в 1841 г. 8.175,000. Пропорционально с этим увеличением народонаселения и участки дробились все мельче и мельче, а также увеличивался и спрос на них. Несмотря на всю строгость собирания арендной платы, народ так обнищал, что с него решительно нечего было взять. Чтобы увеличить доход лэнд-лордов с их земель, был издан закон, запрещающий ввоз иноземного хлеба. Закон этот, подняв цены на хлеб, увеличил доходы собственника, но заставил в то же время земледельца питаться исключительно дешевым картофелем, а хлеб сеять только на продажу для уплаты аренды. Хлебные законы довели Ирландию до ужасного

состояния.

1846 год, неурожайный во всей Европе, был особенно тяжок для Ирландии. Болезнь картофеля, уже показывавшаяся с некоторого времени, в этом году чрезвычайно усилилась и погубила три четверти сбора. Овес тоже не уродился. Нужно помнить, что картофель в это время был главной пищей народа. Можно себе представить, какое страшное бедствие ожидало страну в виду болезни картофеля, что случилось и прежде, но не в такой степени. Так как картофель и до сих пор представляет почти исключительную пищу ирландцев и болезнь на него появляется в стране от времени до времени, то мы считаем необходимым сказать об этом явлении несколько слов. Вот как описывает очевидец это явление. «Первого августа бедственного 1846 г. я был поражен странным слухом, что все поля картофеля в округе свяли и что поднимается вонь от его гниющих стеблей. Я немедленно поехал верхом на поля. Листья картофеля на многих полях, мимо которых я проезжал, совсем свяли, и странный вонючий запах, которого я никогда прежде не чувствовал, но который вскоре сделался известен на многие годы, как отличительный признак болезни, наполнял атмосферу около каждого картофельного поля. Вырыв несколько картофелин из-под завявших стеблей, я увидел, что они заражены гниением. Картофель быстро чернел и размякал. В полях, только что тронутых болезнью, особенный вонючий запах был первым признаком её; через день или два лист начинал вянуть. Ужас охватил всю окрестность; арендаторы смотрели в отчаянии друг на друга, с сознанием собственной беспомощности и с мрачным отчаянием в виду совершенного исчезновения единственной пищи, на которую они могли рассчитывать.

«6-го августа я по обыкновению поехал верхом на свои горные поля, и можно себе представить мои чувства, когда я, еще прежде нежели увидел поле, почувствовал страшный запах, теперь хорошо известный и признанный, как приговор к смерти каждого картофельного поля. Чем далее я подвигался, тем менее мог выносить этот странный запах, который поднимался с роскошных полей, расстилавшихся по обеим сторонам дороги. Но всего оригинальнее то, что не было заметно ни малейшей перемены в цветущей зелени листьев, ни в крепости стеблей, ничего, кроме страшного запаха; но опыт предыдущих дней сказал мне, что всё погибло. И действительно, богатые стебли скоро завяли, листья обвалились и сгнили, и болезнь дошла до клубней».

Испуганное правительство приняло деятельные меры к доставлению хлеба и денег; но это запоздалое великодушие не принесло пользы: голод был повсеместный, продолжался несколько лет и развил среди народа множество самых разнообразных болезней и эпидемий. Ирландцы, заморенные продолжительным голодом, нищетой и лишениями, как тени бродили теперь вокруг хлебных полей, сараев и амбаров, воруя зерно, картофель, капусту, одним словом всё, что можно было есть. Приходилось ставить караул с ружьями в руках, как для охраны от воровства, так и для того, чтобы семена не были выкопаны и не съедены сырьем.

Такое положение вещей нанесло роковой удар многим прекраснейшим чертам характера ирландцев, нравам и обычаям, утвердившимся среди них уже издавна: наивная доверчивость к людям этих простодушных детей была навеки разрушена; их широко раскрытые двери, гостеприимно принимавшие под свой кров всякого путника, крепко-накрепко начали запираются с тех пор, конечно, в тех местах, где еще существовали кое-какие запоры. Испытания этих голодных годов сильно повлияли на нравы сельского населения. Древние забавы и увеселения исчезли повсюду и во многих частях Ирландии уже никогда более не возобновлялись; также прекратились с этих пор в большей части Ирландии уличные игры, состязания и деревенские танцы, которые лишь в очень немногих местностях и весьма редко можно видеть теперь.

Какое страшное влияние имели эти голодные годы на ирландское население, видно из

того, что когда в 1851 г. произведена была десятилетняя народная перепись, вместо увеличения народонаселения, как это было до сих пор, оказался страшный недочет в один миллион человек: таким образом восьмая часть населения погибла за эти годы от нищеты и голода.

Это ужасное бедствие сделало то, чего не могли сделать целые века войн и крутых мер: оно победило Ирландию. Когда народ увидел, что он теряет свою главную пищу, он только тут начал сознавать, что ему нет места на родине. Правда, и прежде ирландский народ уже переселялся в Америку, но теперь сотни тысяч ирландских семейств начали эмигрировать на чужбину. С 1806 до 1851 г. эмигрировало 4 1/2 миллиона; между тем с 1852-го до 1859-го, только в семь лет, эмигрировало 2.041,260 человек. Мы видели уже, что с 1672 по 1841 г. народонаселение Ирландии постоянно увеличивалось; теперь же, вследствие эмиграции, голода и болезни, оно стало страшно уменьшаться. В 1841 г. было 8.175,000 жителей, а в 1851 г. жителей было только 6 1/2 миллионов; в 1861 г. 5.798,967 человек, а в 1891 г. уже 4.706.162. К тому же ирландцы переселяются не только в Америку: эмиграция в Англию и Шотландию также достигла значительных размеров. Ирландское население Манчестера, Ливерпуля и других больших городов Англии чрезвычайно велико. При постройках и других работах в английских городах ирландцы представляют массу рабочих рук; точно также и места служанок, исполняющих в доме всю черную работу, преимущественно заняты ирландскими девушками.

С 1760 по 1880 г., следовательно более столетия, в Ирландии, рука об руку с усиленной эмиграцией сельского простонародья, шло развитие аграрных преступлений и тайных обществ, красноречиво говоривших о всё увеличивающейся пламенной ненависти ирландцев к англичанам, к английскому правительству и к своим лэнд-лордам. За эти 120 лет землевладельцы и английское правительство самыми возмутительными средствами помогали эмиграции народа. Землевладельцы, узнав по опыту, что ирландские фермеры (арендаторы) плохие плательщики и не дают им возможности обогащаться, стали обращать прежде обрабатываемые участки земли в луга и пастбища, для которых уже не требовалось прежнего количества рабочих рук. Между тем пастбища и луга приносят выгоду лишь землевладельцам и скотоводам, а не земледельческому населению, которое таким образом окончательно теряет работу и должно искать заработка на чужбине. Выселение трудолюбивого класса людей с родины оказалось чрезвычайно вредным для сельского хозяйства. Вместо того, чтобы прилагать рабочие руки к улучшению земли, к увеличению плодов земных, на сооружение железных дорог, на проложение дренажных труб,— эмиграция ирландцев оставляла их родину в первобытном состоянии. В тех местностях Ирландии, где народ противился эмиграции, его старались прогнать силой и заменяли его английскими переселенцами или превращали пашни в пастбища для скота. Вот как описывает один писатель одно из сотни тысяч выселений, производившихся после вышеописанных голодных годов. «В один день 700 человек были лишены крова, хотя никто из них, кроме одного, не должен был ни шиллинга ренты своему лэнд-лорду. Полиция с утра до ночи энергично занималась сломкой жилищ несчастных ирландских арендаторов. Наконец, одно обстоятельство нарушило мрачное однообразие огульного разрушения, которое они производили вокруг себя. Они вдруг в ужасе отступили от двух хижин. Оказалось, что там свирепствовал тиф, который уже унес в могилу несколько жертв. Поэтому они стали умолять доверенного землевладельца, распорядившегося этой очисткой, чтобы оставить хотя на время в покое больных, но он был неумолим и приказал, завесив парусиной кровати, на которых лежали больные, по счастью находившиеся в бреду, продолжать сломку их хижин. На следующее утро четверо из этих жертв умерли на моих руках, и над ними не было другого крова, как парусина и небо. Никогда в жизни я не забуду этого страшного дня! Плач женщин, крики и вопли детей, безмолвное отчаяние мужчин вызывали слезы на глазах

у всех присутствующих. Офицеры и солдаты полицейского отряда, принужденные присутствовать при этой сцене, плакали, как дети. Всю ночь шел проливной, холодный, осенний дождь, а соседние землевладельцы, на много миль в окружности, запретили остальным своим арендаторам давать несчастным ночлег».

Так как после великого голода 1846—47 г. в Ирландии приходилось уничтожать множество жилищ таким варварским способом, то для этого требовалось известное искусство, и мало-помалу образовались работники-специалисты, с особой ловкостью разносившие ломом хижину. Народ прозвал производивших эти очищения «ломовой бригадой». Вскоре, однако, ручная работа показалась слишком медленной, и один землевладелец, мистер Скулли, известный своим жестоким обращением с фермерами, изобрел машину для сноса крыш и ломки стен. Она состояла из искусной комбинации железных крюков, цепей и рычагов и приводилась в действие одной лошадью. С помощью этой машины можно было в десять раз скорее уничтожить жилища несчастного люда, чем «ломовой бригадой» в двадцать пять человек.

Такое печальное положение вещей заставило в 1870 г. тогдашнего первого министра Англии Гладстона провести поземельный билль, который признавал, что ирландские арендаторы (фермеры) имеют известные права на обрабатываемую ими землю. Чтобы уяснить это себе, нужно знать, что до тех пор в Ирландии лишь в одной провинции Ульстер (на севере) признавались такие права фермеров. Вследствие этого фермеры в Ульстере находились, сравнительно с остальными в Ирландии, в сносном материальном положении. Но, кроме Ульстера, все ирландские фермеры не имели права ни на один шиллинг вознаграждения даже за свои собственные затраты. Если фермер осушил или улучшил землю, так что болото, дававшее прежде ренту в два шиллинга за акр, теперь приносило его владельцу два фунта стерлинга, лэнд-лорд имел по закону право назвать эти улучшения своими и заставить фермера платить за улучшенную им самим землю два фунта за акр. закон 1870 г. распространял на всю Ирландию поземельные отношения и обычаи, существовавшие лишь в одной провинции Ульстер. По этому биллю, если лэнд-лорд изгонял фермера по своему произволу, он должен был его вознаградить «за беспокойство» и заплатить ему за все улучшения, сделанные им на ферме. Сумму того и другого вознаграждения должны были определять местные суды. Кроме того, чтобы поощрить ирландское простонародье покупать в собственность землю, казна брала на себя уплату двух третей цены за землю, которую поселяне желали купить, а землевладельцы продать, с условием, чтобы поселяне постепенно погашали долг в казну. К сожалению, закон 1870 г. не имел никакого значения, и это произошло прежде всего потому, что в нём не был определен размер ренты, которую ирландский фермер обязан был платить за свой участок земли. Ирландские землевладельцы, желая поскорее покончить с сельским ирландским людом, на который английское правительство якобы начинало обращать внимание и, чего доброго, в близком будущем могло дать ему чересчур много привилегий, немедленно страшно возвысили и без того уже высокую ренту. Фермеры совсем не могли уплачивать ее, и ирландские собственники, большинство которых было английскими лэнд-лордами, начали выгонять их с своих земель с прежней жестокостью. Что же касается до вознаграждения фермеров за беспокойство, причиняемое им изгнанием, то собственники, выплачивая это вознаграждение, нисколько не отягощали себя, так как тотчас же увеличивали ренту новым фермерам, в которых никогда нет недостатка, так как в Ирландии земля почти единственный источник пропитания. Что же касается до вознаграждения за сделанные улучшения, то землевладельцы старались замучить фермеров без конечными процессами, представляя свидетелей, которые под присягой показывали, что все сделанные на ферме улучшения только ее ухудшили. Наконец, многие землевладельцы ухитрились вовсе обойти новый закон и, пользуясь безвыходным положением поселян, заключали с ними, под угрозой

изгнания, письменные условия, по которым поселяне отказывались от всяких прав, дарованных биллем 1870 г. Таким образом этот акт не уничтожил произвола землевладельцев. Точно также не получила никакого практического применения и та часть билля, которая открывала поселянам возможность приобретать землю в собственность при помощи казны: они были слишком разорены для того, чтобы что-нибудь приобрести.

В 1881 г. Гладстону удалось провести новый поземельный билль, которым значительно улучшалось положение огромного количества арендаторов. По этому закону фермер, погодно берущий землю в аренду, может обратиться к суду или к особой земельной комиссии с просьбой о назначении ему «справедливой» арендной платы, которая и определяется на 15-летний срок. В течение этого времени арендная плата не может быть повышена и фермер может быть подвергнут изгнанию только за нарушение «законных условий». По истечении 15-ти л. срока фермер может вновь ходатайствовать об установлении арендной платы, и таким порядком аренда может быть постоянно возобновляема. В среднем выводе арендная плата на основании закона 1881 г. была понижена, сравнительно с прежним, на 20%, но она до сих пор еще слишком тяжела для ирландского фермера. На фермеров, арендующим землю по письменным договорам, закон 1881 г. не распространялся, но в 1887 г. это ограничение было отменено, и им дано было право в течение двух лет обращаться к суду с ходатайством об определении арендной платы. Оба эти закона (1881 и 1887 г.) применяются в настоящее время на пространстве до 9 милл. акров, составляющих около половины всей площади Ирландии.

В середине 80-х гг. ирландское земледельческое население терпело серьезные затруднения вследствие падения цен на сельскохозяйственные продукты, вызванного конкуренцией со стороны Северной Америки. Вследствие этого законом 1887 г. было предписано произвести пересмотр арендной платы и, если нужно, понизить ее; тоже было повторено в 1888 и 1889 гг.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Положение Ирландии в конце 80-х и в начале 90-х гг. XIX столетия. — «Национальная лига». — Реформа местного самоуправления в 1898 г. — «Гомруль» и его значение. — Жизнь арендаторов и сельских рабочих. — Земледелие и сельское хозяйство в настоящее время. — Характер народа.

В 1886 г. в парламент внесено было два билля: 1) о «гомруле», по которому для Ирландии требовалось учредить собственный ирландский парламент в Дублине, а следовательно устроить самостоятельное ирландское правительство, совершенно отдельное от английского. Во втором билле от английского правительства требовалось 50 миллионов фунтов стер. для покупки крупных ирландских поместий, которые государство уже само должно было сдавать в аренду ирландским арендаторам; эти земли впоследствии должны были перейти в собственность арендаторов. Хотя оба эти билля были отвергнуты парламентом, но они вызвали взрыв негодования в английском обществе. Высший класс Великобритании недоволен был тем, что в его стране есть люди, которые могут думать об отделении Англии от Ирландии, могут желать разорять государство для каких то жалких ирландцев, численность которых давно следовало наполовину уменьшить эмиграцией, чтобы этот беспокойный народ не тревожил Англию вечными голодовками, волнениями, мятежами и отчаянными преступлениями. Как подобные рассуждения в обществе, так и эти билли в такой степени взволновали ирландцев, что в некоторых местностях страны вызвали столкновения между католиками и протестантами, так что их пришлось даже усмирять военной силой. Хотя эти волнения были, наконец, подавлены, но негодование ирландцев против англичан не улеглось. Множество арендаторов решило не платить своим лэнд-

лордам аренды, а вносить ее членам союза «национальной лиги». Нужно заметить, что этот союз «национальной лиги» возник очень скоро после того, как рассеялись вожди ирландской «земельной лиги». Как члены «национальной лиги», так и все, принадлежавшие к партии «гомруля», старались добиться автономии Ирландии, т. е. самоуправления при помощи отдельного ирландского парламента, но первые считали необходимым и поземельную реформу. И вот ирландские арендаторы решают прекратить всякие отношения с своими лэнд-лордами и вносить ренту не им лично, а через посредство «национальной лиги.» Английское правительство, чтобы предупредить этот новый враждебный план действий, арестовало вождей ирландской агитации, отдало их под суд в Дублине и добилось присуждения их к тюремному заключению.

В следующем, т. е. в 1887 г., был принят новый закон, по которому можно было объявить те или другие округа Ирландии на военном положении. И правительство вполне воспользовалось этим законом: оно неоднократно провозглашало военное положение, энергично разгоняло разные сборища, засаживало в тюрьмы вожаков «национального союза», а также всех подстрекателей волнений, тем не менее эти волнения беспрестанно охватывали Ирландию. Британское правительство, испуганное непрерывавшимися смутами в Ирландии, обратилось за содействием к римскому папе. В 1888 г. папа издал одно за другим несколько посланий к католикам, в которых сильно порицал их насилия над англичанами и вечные мятежи. Несмотря на глубокую преданность ирландцев католической вере, эти папские послания не оказали на них никакого действия, и Ирландия в следующие годы продолжала волноваться, что выражалось самыми разнообразными протестами и насилиями против англичан. Но когда в 1892 г. оказалось, что в палате общин большинство стоит за «гомруль», дела в Ирландии приняли совсем другой оборот: мятежи и волнения быстро затихли, а вместе с этим уменьшилось и число аграрных преступлений, т. е. потрав помещичьих лугов, избиений помещичьего скота, порубки лесов. Видя, что вечно-мятежная Ирландия настроена на более миролюбивый лад, правительство отобрало у полиции карабины, которыми та долго была вооружена, и не позволяло ей свирепствовать при производстве выселений ирландцев со своих ферм, да и число этих выселений сильно уменьшилось. Духовенство сдерживало своими увещаниями людей нетерпеливых, эмиграция тоже уменьшилась, одним словом все ирландцы стали ждать с напряженным вниманием решения своей участи. Хотя билль о «гомруле» был принят палатой общин, но он не прошел в верхней палате: лорды его отвергли подавляющим числом голосов.

В самые последние годы британское правительство оказалось вынужденным более обращать внимания на дела Ирландии. Выше, в очерке о государственном устройстве Великобритании, было сказано, что в британском парламенте вместе с другими заседают и ирландские депутаты. В нынешнем, т. е. в 1898 г., эти депутаты произвели демонстрацию в пользу облегчения податного бремени, от которого до сих пор сильно страдает Ирландия. Они требовали устранения этого зла и статистическими данными доказывали, что Ирландия ежегодно переплачивает в виде налогов лишних 3 миллионов фунтов стерлингов по сравнению с Англией. Как тяжело положение Ирландии в этом отношении, видно из следующего: в конце 30-х гг. XIX ст., при населении в 8 миллионов человек, страна эта платила налогов 4 1/2 миллиона фунтов стерлингов; между тем теперь, когда в ней населения числится менее 5-ти миллионов, налоги превзошли 8 миллионов фунт. стерлингов. Это можно назвать вопиющей несправедливостью уже потому, что в Англии население и богатство страны растут, а в Ирландии они убывают. Ирландцы вечно угнетены, физически ослаблены периодическими голодовками целого ряда предыдущих поколений, питавшихся почти исключительно картофелем, всегда выплачивавших несоразмерно высокую ренту, кроме земледелия почти не имевших других занятий. Всё это говорит о том, что ирландцы имеют несравненно меньше сил и возможности выплачивать свои налоги, чем

англичане. По всей вероятности, податное бремя Ирландии будет, действительно, облегчено в очень близком будущем.

В этой стране только что совершилась (в 1898 г.) весьма значительная реформа, а именно билль о реформе местного самоуправления не только прошел через нижнюю палату, но и принят пэрами, так что через несколько дней он сделается законом. Таким образом в Ирландии будет введена система местного самоуправления, в основах своих сходная с той, которая существует в Великобритании уже несколько лет. С этих пор заведовать местными делами Ирландии будут ирландцы посредством выборов. Право голоса на местных выборах будет устроено на тех же условиях, как и участие в выборах парламентских, с той только разницей, что на основании нового билля женщины могут быть избирательницами. Такое коренное преобразование местного управления, какое будет введено теперь, откроет ирландскому населению новое и очень широкое поле для проявления своей самостоятельности и тем, вероятно, надолго отвлечет его не только от мятежей и волнений, но большинство ирландцев и от мысли о самостоятельном парламенте. Как бы велика ни была польза для Ирландии от такого преобразования, законодательство по-прежнему остается в руках британского парламента, громадному большинству депутатов которого не только чужды, но даже враждебны интересы Ирландии.

Нужно заметить, что наиболее горячие патриоты и умственно развитые люди уже давно требуют для Ирландии особого парламента с полной законодательной властью для того, чтобы их соотечественники имели возможность самостоятельно обсуждать и решать свои земельные отношения, вводить необходимые экономические реформы и улучшения; большинство из них желает однако, чтобы Ирландия оставалась составной частью Великобритании и подчинялась её правительству во всех международных, военных и иных вопросах, общих для неё с Англией,— вот эта-то партия и называется партией «гомруля». Страстное желание иметь свой парламент объясняется тем соображением, что великобританский парламент не может надлежащим образом исполнять свои обязанности относительно Ирландии, и вот почему: с одной стороны он страшно завален всевозможными делами, с другой—недостаточно знаком с потребностями Ирландии.

Но новая реформа местного самоуправления Ирландии, как думают многие, повлияет успокаивающим образом на ирландцев, которые не могут не видеть в ней известной уступки их стремлению к самостоятельному заведованию своими делами. Большинство англичан тоже, по всей вероятности, будет считать, что Ирландия получила достаточное удовлетворение, и вследствие всего этого осуществление «гомруля», можно думать, будет отсрочено на долгое время.

Какой оборот примут дела в Ирландии вследствие новой реформы—неизвестно, но пока страна эта находится в высшей степени плачевном состоянии. Ирландия является единственной областью Великобритании, население которой быстро уменьшается. Вся земля страны разделена между небольшим количеством крупных землевладельцев, преимущественно английских лэнд-лордов, а местное население живет тем, что арендует у них мелкие участки земли и платит за них весьма высокую аренду. По последним данным считается 600.000 фермеров и 400.000 сельских рабочих, которые вместе представляют земледельческое население страны. Ирландские фермеры или арендаторы и ирландские сельские рабочие не два отдельные класса, а один: сельский рабочий—тот же фермер, только без фермы. Из фермеров 119.000 ч. арендуют не более 5 акров земли и 145.000 ч. от 5 до 15 акров у землевладельцев, большей частью живущих вне Ирландии. Аренда за землю так высока, что она или превышает весь доход с земли, или, в лучшем случае, может прокармливать лишь впроголодь. Но так как сельский люд с одной стороны страстно привязан к земле, с другой здесь почти нет других заработков, то ему и приходится арендовать хотя маленький земельный участок, так как в противном случае его немедленно

ждет голодная смерть. Земля обрабатывается из рук вон плохо. Если у фермера 10—15 акров, то он обыкновенно оставляет один клочок под картофелем, другой под овсом и клочок под пастбищем или плохим лугом. Луг содержит обыкновенно больше сорных трав, чем пригодных для корма; картофель и овес возделываются так долго на одной и той же полосе, что она в конце концов совершенно истощается, и этим объясняются громадные размеры, которые приняла болезнь картофеля. Сверх ренты, уплачиваемый собственнику, фермер обязан платить поземельные налоги. Случаи голодной смерти и теперь встречаются нередко. Тиф, черная оспа и другие эпидемии не перестают поражать народ вследствие дурного питания и отвратительных помещений, в которых люди живут со свиньями и другими животными. И действительно, жилища, в которых живет сельский люд, представляют отвратительные мазанки; ходят ирландцы в лохмотьях, питаются почти исключительно картофелем, овсяным хлебом и похлебкой из кукурузы, а мясо едят два-три раза в год, в большие праздники. Нечего удивляться, что такое непрерывное голодное существование заставляет их искать забвения в пьянстве.

Положение сельских рабочих еще хуже: только немногие из них имеют около акра земли, но большинство ничего не имеет, кроме лохмотьев, прикрывающих их наготу; они часто по месяцам не могут найти работы, а когда получают ее, то им платят в день около шиллинга; живут они в самых грязных лачужках, в которых на соломе валяются все вместе: мужчины, женщины, дети, свинья с поросятами, у кого они есть.

В центральной Ирландии везде, в горах, селах и вдоль дорог, вы встречаете разоренные хижины сельского простонародья; но в графстве Майо вы проезжаете округа, совершенно лишенные народонаселения. Это теперь просто пустыня, и не видно ни людей, ни домашнего скота на тех самых местах, где прежде существовали сотни маленьких ферм. Так описывают нынешнее положение Ирландии даже английские корреспонденты. Каждое крестьянское семейство, не имеющее достаточно земли для своего содержания, отправляет нескольких своих членов собирать милостыню.

Причина нищеты ирландцев не только в страшном гнете всей их прошлой жизни, не только в существующей системе землевладения, но и в плачевном состоянии мануфактурной промышленности. Фабричная промышленность могла бы дать заработок множеству рабочих рук и при несчастном сельском хозяйстве была бы подспорьем для сотни тысяч людей. Мы уже знаем, что шерстяное и полотняное производства существовали в Ирландии с самых давних времен. Даже в конце XVII столетия ирландцы не только имели цветущую промышленность, но производили даже многие шерстяные изделия, которых Англия еще не умела вырабатывать. Но эта цветущая ирландская промышленность была так подавлена и уничтожена запретительными законами Англии, что она не может подняться и в настоящее время. Многих производств, например металлических, в Ирландии совсем не существует; даже ирландская национальная и самая крупная по размерам мануфактура—полотняная, и та уступает шотландской. То же можно сказать и относительно других занятий и промыслов. Таким образом на родине ирландцу остается теперь только одно занятие—земледелие.

Но не только экономическое положение ирландцев крайне плохо, но и политической свободой наравне с англичанами они до сих пор пользовались скорее в теории, чем в действительности. Прежде всего английская политика в Ирландии состоит в покровительстве и потворстве обангличившимся высшим классам в ущерб народным массам. Личность в Ирландии вовсе не обеспечена так, как в Англии, от полицейского произвола. Свобода собраний то и дело нарушается вмешательством полиции. То, что можно свободно печатать в Англии, в Ирландии сплошь и рядом подвергается строгой каре. Правда, Ирландия имеет своих представителей в английском парламенте, но с каким бы единодушием ирландские представители ни настаивали на той или другой мере, правительство лишь в крайних случаях решает обратиться на их требования и до последнего времени отделялось от

Ирландии лишь полумерами. Местное самоуправление—первая важная реформа последнего времени.

Характер ирландцев представляет смесь различных качеств, часто противоположных друг другу, при чём дурные качества развились сильнее вследствие несчастного положения народа и его угнетения в продолжение многих веков. Страстный, увлекающийся, подвижный, ветреный нрав составляет главное основание ирландского характера, в котором мы находим как все достоинства, так и недостатки, соответствующие этим качествам. Ирландец одарен поэтической натурой, богатой фантазией, простосердечием и доверием ко всем, кто скажет ему доброе слово, разумеется, кроме англичан. Он готов оказать всякому всевозможную услугу, поделиться последним куском хлеба, но в тоже время за малейшее противоречие, за одно слово, которое ему не нравится, он сейчас вспылит, наговорит дерзостей и лезет в драку. Несмотря на систематическую ненависть к англичанам, жажду мести по отношению к ним, он по своему характеру вовсе не мстителен. С человеком, с которым он только что горячо повздорил, он с удовольствием будет сидеть через минуту в веселой, шумной компании, которую он так любит, и мирно болтать, как ни в чём не бывало.

Редкий человек на столько довольствуется малым, как ирландец: он совершенно счастлив, если у него есть небольшой запас картофеля на зиму, жалкая хижина, в которой он живет вместе с животными, и лохмотья, которые кое-как прикрывают его тело. Он ропщет только тогда, когда ему совсем уже негде преклонить голову, нет ни лохмотьев, ни картофеля. Несмотря на всю свою откровенность и чистосердечие, он хитер с своими врагами, может принять на себя маску большего простодушия и глупости, чем оно есть на самом деле. При всевозможных обстоятельствах жизни, куда бы он ни был брошен судьбой, он везде выказывает понятливость и любознательность; но вследствие вопиющей нищеты большая часть ирландцев невежественна и груба, а их богатая фантазия делает их склонными к суеверию.

Вместе с пьянством, которым страдает громадное большинство ирландцев, среди них сильно распространена эфиромания, которая появилась лишь после 1840 г., но в настоящее время она делает замечательные успехи, особенно среди католиков. Любопытно, что теперь уже, по одному запаху ирландского крестьянина, можно определить его вероисповедание: от протестанта несет алкоголем, от католика—эфиром. Некоторые крестьяне, выпивая стаканчик виски, прибавляют к нему эфир. Однако, во многих местностях Ирландии уже существуют шинки для продажи одного только эфира, и в них довольно большая рюмка его стоит около 2-х к. на наши деньги. Эфир так распространен в Ирландии, что его запахом пропитан воздух вагонов почти всех железных дорог этой страны, а в базарные дни—все дороги, по которым проходят ирландские обозы. Эфир употребляют не только мужчины, но и женщины, а иногда и дети; неопытные в этом деле люди запивают его водой, чтобы менее чувствовать обжог, а когда привыкнут к нему, то даже самый обжог доставляет своего рода удовольствие. Пока эфир поглощается в малых дозах, он приводит человека в веселое расположение духа, а в больших—сильно расстраивает нервы, производит боль в желудке и состояние общего оцепенения, которое, впрочем, скоро проходит. Хотя влияние эфира непродолжительно сравнительно с влиянием алкоголя, тем не менее злоупотребление им доводит до того же психического и физического расстройства, как и алкоголь.